

Родные стены, родная сцена

ЛЮБОВЬ КАЗАРНОВСКАЯ ПРИНИМАЕТ ДРУЗЕЙ

дущая концерта, призналась, что испытала шок, такой же, как тогда на премьере («как будто снова девочкой я стала»).

«Когда в театр пришла молоденькая певица с любопытными, доверчивыми глазами Бэмби — Люба Казарновская, мы сразу поняли — это наш человек», — сказал Анатолий Мищевский.

В зале, конечно, раздался смех. И не только в связи с тем, что певица работает и живет за рубежом. Казарновская никогда не была нашей певицей. Не потому, что «наши» — плохие. Просто она не была такой, как наши. Ни тогда, когда пела в Оперной студии консерватории; ни затем — в Театре Станиславского, Малом оперном, Кировском... Не было в ней актерской беспомощности, отличающей выпускников-консерваторцев, а было актерское проживание того, что пе-

ла. Не было зажатости и осанки «примадонны у рояля», свойственной многим молодым и талантливым певицам, а была природная внутренняя свобода и раскованность. Казалось, она всегда была свободна от вокала, она — пела. Может быть, с вокальной точки зрения, не всегда безукоризненно, но именно пела, а не звукоизвлекала. Режиссер Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко М. Г. Дотлибов считает, что отличительной чертой Любы всегда была хваткость. Она ловит не только режиссерское замечание, но и подтекст его.

За три года (1986—1989) Казарновская спела ведущие оперные партии: Леонору в «Трубадуре», Донну Анну в «Дон Жуане», Недду в «Паяцах», Маргариту в «Фаусте», Марину в «Борисе Годунове», Татьяну и Иоланту. В 1989 г. Герберт фон Караян пригласил певицу на

Зальцбургский летний фестиваль, где она спела в «Реквиеме» Верди под дирижерским руководством Рикардо Мутти. А дальше — Венская государственная опера, Ковент-Гарден, Метрополитен-опера, Чикагская, Гамбургская оперы, Сан-Франциско и многие другие оперные театры мира.

Конечно, не каждой певице в мужья достается профессиональный импресарио. Но ведь вовсе не он «виновен» в сенсационном успехе ее Дездемоны в Ковент-Гарденском театре, Манон Леско и Леоноры, в блистательном исполнении первой русской певицей роли графини Альмавивы на Зальцбургском фестивале 1991 года, в удачном дебюте в Испании и Гамбурге в роли Елизаветы («Дон Карлос» Верди).

Зато в том, что Любовь Казарновская вновь оказалась на своей первой театральной сцене, есть и за-

слуга мужа. Он, как известно, является одним из директоров австрийской фирмы, с которой московский музыкальный театр заключил контракт.

Для своего заключительного концерта певица выбрала достойных партнеров и соответствующий репертуар. Первое отделение — Чайковский, второе — зарубежная классика. Потом начались «сюрпризы». Если не принимать во внимание туалеты примадонны, каждый из которых был своеобразным сюрпризом вечера, то исполнение Бернстайна и Гершвина скорее — риск. Не всякая классическая певица способна на него, так как это совершенно другая манера пения, и владеть ею надо столь же профессионально. А вот «дует кошек» Россини покорила зал. После того как хозяйка вечера и солистка театра Лидия Черных спели и сыграли, все поняли — именно так и уживаются в театре сопрано.

Что в зале собрались действительно друзья Любви Казарновской, еще раз доказало то, что «Застольную» из Травиаты пели все; и участники концерта, и зрители. Так, театр — первая любовь Казарновской — встретил свою Любовь.

Ирина ГОРЮНОВА.

НА СНИМКЕ: Любовь КАЗАРНОВСКАЯ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ фестиваль русского классического балета и оперы, проходивший на сцене Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, завершился гала-концертом «Любовь Казарновская приглашает своих друзей». Как выяснилось, друзей у известной певицы немало. Зал едва вместил их. И это, несмотря на стоимость билета, — 35 долларов. Не пугайтесь, все было, как полагается. За доллары концерт смотрели и слушали иностранцы, за «бесплатно» — соотечественники певцов.

Друзья, которых хозяйка вечера пригласила на сцену, — ведущие солисты Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко: Лидия Черных, Анатолий Мищевский, Виталий Таращенко, Анатолий Лошак. Они же — бывшие коллеги по театру, в котором 11 лет назад Казарновская начинала свой блистательный марафон по лучшим оперным сценам мира. Тогда студентка пятого курса Московской консерватории, ученица Ирины Архиповой удивила и покорила взыскательную публику своей Татьяной. «Евгений Онегин», с которого начался этот театр, его история, стал первым спектаклем Любы Казарновской, ее «первой любовью в театре».

И вот на этой же сцене снова де-

корации «Онегина». Казарновская поет «сцену письма». «Первая любовь», помноженная на талант и опыт певицы, позволяет ей сегодня исполнить эту труднейшую сцену, как драматургически законченный спектакль. Вокальная нюансировка, владение интонацией, эмоциональная наполненность актрисы делают монолог Татьяны захватывающим зрителья-слушателя действием. После его исполнения певица, она же ве-